
Олег ВАЩАЕВ

ПРОПИСКА

От «Адмиралтейской», по Малой Морской,
Между соборных колонн и манежных,
Призрак Голландии манит рукой
Здесь гостей, ибо нет зарубежных.
Площадь Труда за бульваром, а справа —
К месту прописки моей — переправа.
Ровно четырнадцать лет на приколе.
Сердцем прирос, прикипел поневоле.

* * *

С той стороны реки бегают огоньки.
По набережным, до Стрелки, линиям вопреки.
Линии темно-сини устремлены в шеренге
К Доменико Трезини и Джакомо Кваренги.
Дух ростральных колонн — Жан Тома де Томон.
С другой стороны реки — встречные огоньки.

* * *

Сыпь реагенты, соль и песок.
Не отделяется жизни кусок.
Медленно падай, быстро вставай.
Не забывайся, не забывай.
Плыть по течению и не пропасть.
Финский залив — только малая часть
Жизни, которой уже не бывать.
Занавес рухнул, его не поднять.
Что ж, капельдинер, примите букет.
Жизнь только малая часть, силуэт
Жизни, которая будет потом.
Это отложенной жизни синдром.
Плыть по течению и не застрять.
Балтика, Лета, Седьмая печать.

Олег Александрович Ващав родился в 1970 году в Норильске. Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького, поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна. Публикации в журналах: «Нева», «Север», «День и ночь» и др. В 2023 году в Красноярске вышел первый сборник стихов «Воздушный поцелуй». Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Тайные ямы становятся явными.
Смерзшись в шугу, долями неравными,
 вязнет в Неве колея.
В мутной воде, на поверхности, снежница
 дольше апреля вряд ли продержится.
Ветер шлифует края.

НЕБОЖИТЕЛИ

Все мы, в общем-то, победители.
Наблюдатели и любители.
Самодельщики, дилетанты.
Прихлебатели и таланты.
Но молящиеся — ухода
Ждут, надеясь, что ТАМ — свобода.
А не здесь, где нашлись родители.
Все мы, в сущности, небожители.

КАРУСЕЛЬ

Я зарабатываю деньги на еду.
Проезд и коммунальную нужду.
Нет времени и сил на ерунду.
Я зарабатываю деньги на еду.
С восьми до двадцати, как заводной.
Забыл, когда случался выходной.
Галеты, сок, устойчивая связь —
Мне не дают угаснуть и пропасть.
Напоминает жесткий марш-бросок:
В конце пути уже ни рук, ни ног.
Гол, как сокол, и жалок, как щенок.
Один на всех, но страшно одинок.
«Пятерочка», «Fix price» или «Магнит».
Я — маятник, моя стезя — транзит.
Укладываюсь в мизерный лимит.
Как будто кто-то мной руководит.
Не стоит убиваться за «пятак».
Не «Пармезан», но все же «Доширак».

* * *

Деньги приходят и уходят,
а времени не остается.

Но мы все равно его тратим,
мелочно и комично.
Поспешно и несуразно.
На хорошеньких и смазливых.
По-мальчишески бесшабашно,
по-девчоночьи шаловливо.
На умные разговоры,
забавные взрослые игры,
лайки и перепосты,
копошение, трепыхание.
Изворачиваемся, как можем.
Изощряемся, как умеем.
Как аукнется, так и откликнется.
А молчание все-таки золото.

НЕТЛЕНКА

На Шафировском, в крематории,
полюхну, как в последний раз.
Потому, что в ТАКОЙ истории
не хочу угодить в запас.
По сигналу, но с опозданием
обнаружат в пустой норе.
Пальцы веером над изданием,
указательный — на баррэ.
Что разучивал? Ясно, Малера.
Не испанщину, не фольклор.
Замерев перед ликом мастера,
молча руки к нему простер.
Струны, к бою! Стаккато, клавиши!
Прекращай канонаду, бас!
Соберутся друзья-товарищи
и сыграют весенний вальс.

* * *

Снег в конце апреля — свет в конце тоннеля.
Сонная аллея словно колея.
Снег еще быстрее. Спится тяжелее.
И приходят мысли из небытия.
Это удивляет, но не утомляет.
И не отдаляет то, что впереди.
Наше поколение жаждет обновления?
Снега по колено, некуда идти...
Ничего не скроешь, если не узнаешь.
Как себястроишь, так и заиграешь.

* * *

Верлибр пробивается сквозь катрен,
не поднимая шума.
«Узнаваемый вальс №. 7», Шопен,
«Крейслериана», Шуман.
Малер, «Symphonie №. 3»
и «Болеро» Равеля.
Не запирай себя изнутри
гоголевской шинели.
Не заглушай свою музыку там,
где она остается.
Пусть окружает гам-тарарам,
музыка пусть льется.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Сначала тайна, а потом судьба.
За ними чувство. Ощущение ритма
граничит с чувством.
Но когда же рифма?
А рифма — их послушная раба.

* * *

Как буквы в тексте — пятна глубоки.
На глаз, на ощупь движется картина,
соединяя лучшие куски —
пейзаж гуашью, а портрет сангиной.
Теплохолодность — живопись души.
Не что иное, некто или нечто.
Размазывать не надо — покажи
о том, что зримо, но о том, что вечно.